«Не могу людей обижать…»

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
«Не могу людей обижать…» «НЕ МОГУ ЛЮДЕЙ ОБИЖАТЬ…»

В один из апрельских дней прошлого года в моем кабинете зазвенел телефон. На другом конце провода послышался мужской голос. Назвался. Вроде знакомая фамилия. Года два тому назад о нем писали газеты. Я еще тогда был удивлен, прочитав статью. А удивило то, что человек этот был заслуженным артистом ТССР, принимал участие в создании фундамента нашего туркменского национального театра… А почему-то мы о нем ничего толком и не знаем.
Базар Аманов, Аман Кульмамедов, Сона и Сурай Мурадовы, Алты Карлиев, Огулкурбан Дурдыева… их десятки. А этот человек, работавший вместе с корифеями театра, оставил на сцене свой след. «Как-нибудь, встретимся вот тогда-то и побеседую от души», — думал я.
А сегодня яшули сам звонил мне и интересовался моим здоровьем и благополучием. И почему-то называл меня «Аллаяр ага». Он объяснил, что его заставило обратиться ко мне. Пожилому человеку хотелось излить мне душу. Я с большим желанием согласился встретиться с этим человеком. Прошло после нашего телефонного разговора где-то полтора месяца. И вдруг он заходит ко мне в кабинет. Здороваемся, и тут он виновато обращается ко мне и говорит:
— Мне почему-то казалось, что вы пожилой человек.
Долго длилась наша беседа, даже не заметили, как стемнело на дворе. Прощаясь со мной, он сказал: «Писать обо мне не надо. Просто хотелось вам обо всем рассказать». После нашей беседы я ещё долго ходил и думал: «Писать о нем или нет?» и наконец, решился написать.
Яшули зовут Алланазар фамилия — Гурбан. Родился в 1905 году в селе Юзбаши Какинского этрапа. До открытия в Ашгабаде в 1926 году драматической студии приехал в столицу. В 1929 году окончил драматическую студию. В то время из Народного

Комиссариата просвещения сообщают, что желающих продолжить учебу могут послать в Бакинский театр.
Алланазар изъявляет желание продолжить учебу, но хочет, чтобы кто-то был рядом. уговаривает своего друга Алты Карлиева и едут в Баку на учебу.
— Приехали мы в Баку, а здесь занятия проводиться на азербайджанском языке, — рассказывает Алланазар. — Я знал язык и мне было нетрудно учиться. Зато мучился Алты. По вечерам я его учил азербайджанскому. И все же чувствовалось, что охоты оставаться здесь у него не было. Поэтому мне часто приходилось уговаривать его продолжить учебу в азербайджанском театре, особенно после окончания наших каникул, которые мы проводили в Ашгабате. И мне после долгих уговоров удавалось возвращаться в Баку. Что не говори, а азербайджанский театр стал для нас большой жизненной школой. В те годы в Баку работали два театра. Один из них назывался «рабоче-крестьянским». В основном, этот театр показывал свои пьесы селянам. Другой драматический театр оставался в самом Баку. Из Москвы приглашались известные режиссеры, и коллектив театра ставил на своей сцене солидные произведения.
Окончив в 1931 году свою учебу в Баку, мы возвратились в Ашгабат. Пришли в театр, а его нет. Уехал в Теджен на гастроли. В Теджене нам удалось найти своих будущих коллег. Посмотрели на их положение и стало нам их, честно говоря, очень жалко. Тогда же мне пришла в голову мысль: «А нельзя ли создать такой театр, который бы занимался показом спектаклей только в селах?». О своей идее рассказал Алты. По приезде в Ашгабат мы пришли на прием к Островерхову, ведающему делами искусства в Народном Комиссариате Просвещения. Мы объяснили ему, что театр в таком виде никогда не будет развиваться. Надо создавать театр нового типа. И пусть он гастролирует по селам. Островерхов пошел к самому народному комиссару, объяснил, в чем суть нашего предложения. Тот выразил свое согласие, но предупредил чтобы мы вопрос этот хорошенько продумали. Втроем мы сели и начали обдумывать, как создать подобный театр. Алты заартачился и вдруг заявляет: «Я буду работать только на сцене постоянной и гастролировать не собираюсь». Словом мне поручили

режиссерство, администраторство. И начал я подбирать в театр кадры. Вот так и был создан республиканский колхозно – совхозный театр. Но в 1936 году наш театр закрыли. И что обидно, никто до сего времени не написал об этом театре. А ведь в центральном архиве Туркменистана хранятся пять папок с материалами об этом театре. И никто не прикоснулся к ним.

Итак, работа в нашем театре шла своим чередом. Тут мы взялись за постановку пьесы Берды Кербабаева, которая называлась «Болты». Пьесу подготовили к просмотру. Решили свои гастроли начать с Керкинского округа. По дороге на нас напали грабители, все наше имущество отобрали и мы еле спаслись. Добрались до Чаршанги. Смотрим – едет машина, а в ней сам Атабаев. Тот спрашивает: «Что вы здесь делаете?» Объяснили. Атабаев написал какую-то записку и велел своему водителю куда-то отвезти. Через некоторое время тот возвратился и вручил нам деньги. В те годы в Чаршанги поезда долго не останавливались. Мы быстро погрузились в поезд, прихватив все оставшееся имущество, и добрались до Ашгабата.

Гастроли наши были весьма длительными. Месяцев шесть ездили по селам.

Перед нынешним Домом быта «Овадан» раньше располагался Дом дехканина. Там и нашел приют наш театр. Первым директором театра был Дурдылы Чаканов, после него стал Ходжаев, затем Дурды Маммедов был любителем чая. С утра до вечера пил чай. Даже в журнале «Токмак» (Сатирический журнал «Колотушка») была напечатана на него карикатура, а внизу подпись: «Пей, Маммет!» Последним директором театра был Дурды Келов.

Как я уже говорил, театр наш просуществовал пять лет и был закрыт. Я перешел на работу в драматический театр имени Сталина (ныне имени Молланепеса). Здесь я осуществил постановку пьесы Аннаберды Гурбанова, называлась она «Артыкгуль».

В театре была создана группа режиссеров Амана Гулмамедова, Базара Аманова, Клыча Бердыева. Был среди них и я.

Клычу Бердыеву было поручено осуществить постановку пьесы Мдиваны «Честь Родины». Но он не довел постановку до конца. Пришлось мне до конца доводить. И все же в афише режиссером

был указан К. Бердыев. Это уже по моей просьбе, так как он проделал основную работу для постановки пьесы.
Ата Каушутов тоже заключил с театром договор. Авансом даже определенную часть гонорара получил. Четыре года выставлялась афиша, в которой сообщалось, что театр намечает осуществить постановку пьесы А. Каушутова. Но Ата ага не представил своевременно свою пьесу. Однажды он все же принес в театр пьесу на 300 страницах. Аман Кекилов и Гараджа Бурунов два дня читали её. И о результатах никому ничего не сказали. В один прекрасный день приходит ко мне Аман Кульмамедов, а подмышкой эта пьеса. Я тут же смекнул – хотят подсунуть мне. Но не подал виду, а просто сказал: «Спасибо, Аман ага!» и попросил оставить пьесу. Мне стало не по себе: дело в том, что эта пьеса должна была быть сыграна в день десятилетнего юбилея нашего театра.
Ну вот принес я пьесу к себе домой и бросил ее в кладовку. А сам занялся чтением журнала «Красная летопись», дневники гражданской войны. Целый месяц читал не уставая. Много думал. Даже во сне начал видеть эту пьесу. Называлась она «Ягмыр». И тут я, к удивлению, решился над ней поработать. Начал читать, пока только читать, без всякой правки. Все свои мысли держу при себе. Рассуждаю, как быть? Наконец, решился и пошел к Аману Кульмамедову. Он находился в гримерной и готовился к выступлению. Я долго не раздумывая выпалил: «Я пришел к тебе по пьесе. Слушай меня!» Тот посмотрел на часы и, убедившись, что время у него ещё есть, согласился. Я начал рассказывать. Аман ага возразил: «Это пустой разговор! Не успеешь!» Я пообещал за неделю переделать всю пьесу. Смотрю, Аман ага задумался и, не перебивая, слушает меня. Я понял, что смог его убедить.
На следующий день сел на велосипед и поехал домой к Ата Говшудову. Он жил на улице Калинина. И к моему удивлению, не знал, что постановка его пьесы поручена мне. «С чем пожаловал?» – с ходу он бросил мне в лицо. «Хочу рассказать»! – как ни в чем не бывало ответил я. Тут Ата ага вообще стал неузнаваемым, махнул рукой чуть ли не прокричал: «Слушать не хочу. Если пьесу не будут ставить Аман или Базар, то пусть

вообще никто её не ставит!» Я ни с чем возвратился домой. На следующий день опять пошел к нему домой. Опять объясняю: «Вот так-то и так вышло. Я тебе не враг. Хочу добра. Послушай, если не понравится, скажи не нравится». Молча пригласил зайти в дом. Начал рассказывать. Смотрю, слушает невнимательно, негодует. Я продолжаю. Чувствую, становится помягче. И все же мне удалось полностью убедить Ата ага. То ли устал, то ли разнервничался, но он меня попросил: «Приходи завтра утром и расскажи мне все заново. Вчера я не все понял». На следующий день Ата ага принял меня более вежливо. Я тоже более смело начал объяснять ему. Смотрю, слушает меня с интересом. Закончил я и жду его реакции. А он говорит: «Что-то вроде неплохое получается. Возьми первую картину и приходи завтра». Прихожу как договорились. Написал как я предлагал, но внес свои некоторые изменения. Я ему говорю: «Давайте все я переделаю сам. А потом мы вместе сядем и обсудим». Он согласился. Все свои мысли перенес на бумагу. Принес ему для показа. Прочитав Ата ага обрадовался. Затем читка состоялась в коллективе. Там тоже понравилось. Известное дело, если пьеса понравится артистам, то получится хороший спектакль. Итак, мы начали работать. До последнего дня мы по ходу репетиций вносили различные изменения в тексте. Пьесе дали название «Джума» роль Джумы сыграл Базар Аманов, а роль Степанова – Гылыч Бердиев.

Хотелось бы объяснить причину, по которой мне пришлось покинуть драматический театр имени Сталина. Об этом я никому пока не рассказывал.

Репетиции наши шли успешно и полным ходом. Приближалось время премьеры. Но нашлись среди моих коллег такие, которые не прочь бы взять в свои руки режиссерство (по известным причинам я воздерживаюсь от названия их имен (Автор). Один из них был осведомителем НКВД. Они предполагали так. Дескать, пусть он закончит работу над постановкой. Мы найдем в пьесе то, что нам надо. И постараемся, чтобы Алланазара посадили в тюрьму

Премьера спектакля прошла успешно. На просмотр пришли члены правительства. Шаджа Батыров тогда работал начальником управления по делам искусства. После завершения спектакля

зрители, аплодируя, начали требовать вызова на сцену автора и режиссера. Подтолкнув Ата Говшудова, я вышел вместе с ним на сцену.

В тот же вечер Аман Гульмамедов, Базар Аманов, Гылыч Бердиев, администратор Кудашов и я пошли в ресторан и обмыли это радостное событие.

После сдачи спектакля мой коллега Гулкиши Гулмырадов (в то время он был председателем местного комитета) сказал мне: «Состоялось закрытое собрание, тебя обсуждали. Но так как у тебя работа шла успешно, я не хотел испортить настроение». И рассказал, как было дело. В заявлении на меня в НКВД говорилось, что в пьесе нет единого слова, принадлежащего Ата Каушутову, все написано Алланазаром.

В пьесе есть сценка, где Степанов ведет пропагандистскую работу среди дехкан. В пьесу мы включили следующие фразы:

— Оказывается и среди русских бывают такие люди.

— «Свинья белая или черная — все равно свинья». Они и взяли за основу эти фразы, как сравнение русских со свиньей.

В честь 10-летия театра пришло благодарственное письмо Совета Народных Комиссаров. В списке не оказалось ни меня, ни Гараджа Бурунов.

На следующий день в театр пришел Ата Каушутов. Получил гонорар, с ним вместе Аман Гульмамедов.

— Вы Алланазару что-нибудь платите? Если нет, то я большую часть своего гонорара даю ему, — обратился он к Аману Кульмамедову.

— Ата ага, большое спасибо. Но этот гонорар за ваше произведение выдан, — поспешил ответить я.

Прошло несколько дней. Встретился мне один из тех, кто старался изо всех сил отстранить меня от режиссуры. Начал ему рассказывать интересные случаи, довел его до театра. Зашли в фойе и подошли к черной доске, вывешенной на стене. Обратившись к нему, я вылил свою душу:

— Шепи, — сказал я ему. — Твоя совесть, твоя душа очевидно будет такой же черной, как эта доска. А теперь большое тебе спасибо за все. Я не смогу работать в такой обстановке и сегодня же покидаю театр.

Шепи задал мне единственный вопрос: «Куда же ты собираешься?» И все. Вот так я и ушел из театра. Узнав о том, что я покинул театр, тогдашний директор киностудии Новицкий позвонил Аннагурдову и сказал, чтобы меня перевели туда на работу. Итак я в 1940 году начал работать в киностудии, в дубляжной группе. Незадолго до моего ухода из театра, Алты Карлиев, тоже не сработавшись в театре, ушел в киностудию.

Было это в 1942 году, Алты Карлиев, Ашыр Меляев и я сидели во дворе киностудии. Подходит к нам Новицкий и говорит:

— Я только что был в ЦК. Там сказали, что желательно было бы среди воинов, находящихся в Иране, показать на персидском языке фильм «Чапаев». А я ответил, что у нас нет человека, который мог бы перевести фильм на персидский язык.

— Жаль, — ответил я. — Если бы вы дали добро, то я смог бы перевести на персидский. Новицкий удивился, и тут же, сев на фаэтон, уехал в ЦК.

Халил Джалилов перевел монтажный лист фильма на персидский язык. Я был назначен режиссером дубляжа. Ашира Меляева взял к себе в ассистенты. Теперь как быть с артистами? Ни один артист не знает персидский язык. Халил Джалилов работал директором кинотеатра «Художественный». Ему я поручил озвучивать Фурманова. Роль Чапаева была поручена артисту Гурбану Ризаеву. Словом, мы раздали роли людям различных профессий.

Работу по дубляжу начинали после 12 часов ночи. Работать приходилось до утра. Все мы голодные. Пришлось говорить за семь человек. Потому что многие даже слова не могут произнести по персидски. Я неплохо владел персидским. В молодости проживал в одном иранском селе, пастухом был у персов.

Закончили мы дубляж фильма. Была составлена комиссия. Выступив на заседании комиссии, профессор А. П. Поцелуевский дал хорошую оценку нашей работе. Сам профессор хорошо владел персидским.

Фильм был показан в Иране. И вот мы получаем из политотдела армии, действующий в Иране, письмо, что фильм, озвученный на персидский язык вместо семи человек. Так вот все они по договору получили гонорар, а я ни копейки…

Впоследствии Алланазар Гурбанов около двух лет (1943-1945) в

Какинском государственном драматическом театре. Вначале поставил на сцене пьесу Амана Кекилова «Я не старик».
— В пьесу я включил две картины, — рассказывает А. Гурбанов. — Пригласил самого автора. Он переночевал у меня дома. Приходим на следующий день в театр. Кроме нас двоих, в зале никого нет. На сцене начали играть, а я незаметно наблюдая за Аманом. Он то на меня посмотрит, то на окно.
Спектакль показали полностью. «Понравился мне», — сказал Аман ага и довольный уехал в Ашгабат. После этого, может быть, прошло где-то дня два, не больше. Здание театра находилось напротив почты. Однажды прибегает одна девушка и сообщает, что меня просят подойти к телефону. Звонят из Ашгабата. Действительно, звонит Аман Кекилов и говорит, что «пьесу читал Шаджа Батыров и сделал замечания, которые совпадают с твоими. Пришли текст пьесы, хочу показать её Шаджа и сказать, что уже внес поправки».
Потом мы начали работать над пьесой Ходжа Шукурова «Хорезм». Зашел однажды ко мне домой Маметдурды Аннагурдов и сказал: «Если бы эту пьесу поставили в театре имени Сталина, то она шла бы на сцене этого театра всю жизнь».
Перед постановкой пьесы я вызвал Ходжа Шукурова в Кака. Здесь у меня дома он пробыл десять дней. Я заставил изменить его кое-какие сцены в пьесе. Однако в театре имени Сталина все же эта пьеса была поставлена первом варианте. А наша постановка имела совершенно иную интерпретацию. Начали работать. Сцена театра не большая. Нужны костюмы. Имеем одну швейную машинку и портную. Некоторые костюмы мне пришлось самому сшить. Хивинские халаты пришлось самому раскроить. Словом, работали не взирая ни на что. Приближалась премьера.
Радуясь предстоящему событию Ходжа Шукуров приезжает в Мары, где сообщает, что его пьеса будет представлена в двух местах. И вдруг в канун премьеры получаю из Мары телеграмму, в которой сообщается, что Ходжа Шукуров скончался.
На сдачу спектакля мы из Ашгабата пригласили Маметдурды Аннагурдова, который, тогда работал в Управлении искусства. Спектакль на него оказало очень большое впечатление. По возвращению в Ашгабат он был в ЦК, рассказал обо всем. И

буквально через неделю мне было присвоено почетное звание «Заслуженный артист ТССР». Но о почетном звании я нигде вслух не говорил. Даже мои родственники об этом узнали недавно…
В начале 1947 года в Ашгабате открывается театр юного зрителя. Алланазара направляют в этот театр художественным руководителем. В театре начинается постановка пьесы Арбузова «Красный галстук».
— Имею кучу детей. Самому младшему полтора года. И как на зло жена попадает в больницу. А сама беременная. И вот горе — скончалась жена и ребенка не смогли спасти. Что делать, как быть? Не имею никаких родственников. Привожу детей в театр. Здесь укладываю их спать. Наконец не выдержал: позвал Мереда Атаханова и попросил его, чтобы тот осуществил постановку пьесы «Красный галстук». Он не успел приступить к работе, как театр закрыли.
После закрытия театра я пошел к Шаджа Батырову. В ту пору он работал первым секретарем ЦК КПТ. Были мы с ним в хороших отношениях. Объяснил свое положение. А он говорит:
— Директор совхоза «Гарадамак» уволился пока я подыщу тебе подходящую работу побудь в совхозе.
Там я проработал более восьми лет. Уволился по своему желанию. Когда министр культуры Гылыч Кулиев хотел назначить меня директором театра имени Молланепеса, в ЦК не дали добро.
Потом он попытался назначить меня директором киностудии, опять ничего не вышло. Наконец подвернулся случай и я был назначен заведующим сценарным отделом. Узнав об этом, этот властитель добился своего, и меня освободили от должности. Подвернулась ещё одна работёнка. Теперь удалось устроиться в театр оперы и балета заведующим отдела постановок.
1965 год. Подошел пенсионный возраст. Я собрал все необходимые документы, пришел домой, отрезал провода от радио, расстелил на полу кошму и лег отдыхать. После этого я больше никуда не выходил. В один прекрасный день купил в магазине транзисторный радиоприемник. И попросил продавца настроить на иранскую радиостанцию. После этого я никогда уже не менял эту волну…
Алланазар ага сделал паузу. Долго сидел молча. Действительно, его рассказ растрогал и меня. Многое видал на своем веку

Алланазар ага, пережил много трудностей. Были у него и враги и доброжелатели. Словом, было у него в жизни все.
— Сколько прекрасных парней ушло на фронт и не вернулось. В тридцать седьмом, тридцать восьмом годах большая группа туркменских ребят была направлена на учебу в Москву. По возвращении их тут же отправляли на фронт. Хотя можно было талантливых оставить для работы. Тот некий Шепи проживал на улице Пролетарской. А его соседом был я. Так что каждый вечер у него дома собирались работники военные комиссариата, целую ночь кутили. Целью его было — отправить этих ребят на фронт. И он своего добивался: всех вызвали в военный комиссариат. Через несколько дней все они были отправлены на фронт. Мерет Атаханов прибыл с опозданием и ему сказали, чтобы тот шел домой. На проводы пришел и я с некоторыми коллегами. Возвращаясь после проводов, я подошел к Шепи и сказал ему: «Теперь ты ночью будешь спокойно спать». Тот промолчал…
Алланазар ага работал с виднейшими деятелями искусства Туркменистана. Он был хорошим другом Алты Карлиева.
— Семья у Алты была очень бедной. Сам он был чабаном. Рядом с нынешним ботаническим садом был карьер, где добывали щебень. По прибытии из Теджена Алты работал на этом карьере, зарабатывал себе на жизнь. Находил время и изучал алфавит. На нем была бязевая рубашка и штаны со многими заплатками. Чернильницу привязывал к поясу, и она все время пачкала ему штаны.
Алты был озорным парнем. (Улыбается). Много шалил и проказничал он и когда мы учились в Баку. Одно время хотел бросить учебу. Но я его кое-как удерживал. Нелегко было мне защищать его, когда тот шалил.
Шалил Алты и работая в театре. Натворит что-нибудь, и вместо его заместитель Аннакурдова Максимович вызывал меня и говорил: «Поругай своего друга. Пусть он больше не творит чудеса».
Когда Алты Карлиев писал пьесу «Айна» я был рядом с ним. Он дал мне роль Хана ага. Гуванч Керими писал положительно об этой роли.
В тридцать седьмом году Алты освободили от работы в театре. Провели собрание. На этом собрании Тахыров был представителем

ЦК, агитпропа. Помню, я сказал: «Растущий артист, давайте не будем его выгонять из театра». На что Тахыров ответил резко: «Классовые враги, тоже представляют из себя растущих и вроде бы подающих надежду».
После выхода на пенсию, я собрал все свои уникальные книги и отдал их Алты Карлиеву. В 1933 году на Дашховузской толкучке мне удалось приобрести редкую книгу. Такую же редкую книгу мне подарил и Ата Каушутов. Эти книги посвящались Гекдепинскому сражению…
Постановщику пьес «Артыкгуль», «Мухаббет» узбекского драматурга, «Честь Родины» Мдивани, «Человек» С. Вургуна, «Джума» Ата Каушутова и ряда других пьес Алланазару гурбанову сейчас 90 лет. Он, учась в двадцатых годах в туркменской драматической студии, привлек к учебе Огулгурбан Дурдыеву и её мужа Нуры Дурдыева из их села Юзбаши Какинского этрапа. Впоследствии они оба были вытеснены из театра. Впоследствии судьба опять привела Огулгурбан Дурдыеву в большое искусство. Она создала неповторимый образ матери в кинофильме «Решающий шаг». Я подумал про себя, если бы не Алланазар ага Огулгурбан вообще не смогла приехать в Ашгабат. И учиться в театральной студии. И мне показалось, что достоинство сидящего напротив меня Алланазара ага ещё больше возвеличилось.
— Я с огромным желанием читаю стихи азербайджанских поэтов в подлиннике. Почему-то они мне особенно нравятся. Читаю Низами и получаю огромное удовольствие. Сейчас увлекся произведениями Физули. В Азербайджане творила поэтесса по имени Натуван. К созданию стихов её подтолкнула смерть сына. После этого она начала писать стихи. Прекрасные стихи. Многие поэты подражают ей…
Алланазар ага интересный собеседник. Несмотря на то, что он вот уже окло тридцати лет, как распрощался с искусством, душа его по-прежнему в искусстве. От души любит литературу. Настоящий талант таковым и должен быть. Однако у талантливых есть и враги. Я бы их сравнил с занозой. И не всем удается выстоять. Очевидно Алланазар ага тоже из тех, кто не сумел выстоять перед такими занозами.
— Не могу людей обижать. Как бы мне трудно не было, всегда

стараюсь сдержать себя… – так подытожил нашу беседу Алланазар ага.
Говорят, что искусство требует жертв. Но не дай бог быть жертвой ничтожной занозы…

А.Чуриев.

«Политический собеседник» № 3, 1994 год. Edebi makalalar